

Судьба-злодейка генерала Войцеховского

*Он предлагал чехам и словакам отвергнуть требования
Гитлера и драться за Судеты*

Яков Алексейчик
30.09.2018

Пожалуй, есть основания предположить, что если бы президент Чехословакии Эдвард Бенеш на совещании, которое он проводил 30 сентября 1938 года, прислушался к настойчивым рекомендациям этого человека, иначе могла сложиться судьба и его страны, и Европы, и даже всего мира. Или, если бы вняли ему чехословацкие военные, которым он предлагал отстранить Бенеша от власти в случае его несговорчивости или нерешительности. Дело могло не дойти до Второй мировой войны...

На том совещании рассматривалось поступившее под утро из Мюнхена требование передать нацистской Германии наиболее промышленно развитую и богатую природными ископаемыми Судетскую область, 90 процентов населения которой составляли этнические немцы. Так пожелал фюрер Третьего рейха Адольф Гитлер, поддержанный итальянским дуче. Гитлеру поддакнули, чтобы отвести беду от своих границ и берегов, британский и французский премьер-министры Невиль Чемберлен и Эдуард Даладье. Мюнхенский договор, который часто называется сговором, стал поворотным пунктом в движении Европы к войне, поскольку похоронил политику коллективной безопасности. Именно она должна была сдерживать амбиции нацистского главаря. Как образно выразился польский военный историк Ян Цялович, после Мюнхена во всех столицах стали действовать без оглядки на других. О том, что это был позорный для Европы договор, красноречиво свидетельствуют слова тогдашнего генерального секретаря французского МИДА Алексиса Леже, который на вопрос военно-воздушного атташе Поля Стелена, является ли сделанный шаг облегчением,

ответил: «О, конечно, облегчение! Как будто свой кишечник опорожнил в собственные штаны».

Великобритания и Франция сдавали своего союзника Чехословакию, чтобы угодить Гитлера и направить его на Советский Союз, что, в принципе, им и удалось.

Был ли у Бенеша выбор? Лучше всего на этот вопрос отвечают факты. А они свидетельствуют, что, во-первых, Чехословакия была государством с хорошо развитой экономикой, многие предприятия которого, например, «Шкода» или «ЧДК-Прага», украсили бы промышленный комплекс любой страны. Во-вторых, она являлась европейским лидером в производстве и экспорте оружия и боеприпасов, ее удельный вес на мировом рынке средств ведения боевых действий составлял 40 процентов. Та же «Шкода», уточнял впоследствии Черчилль, на тот момент производила больше вооружений, чем вся военная промышленность Великобритании.

В-третьих, Чехословакия имела отобранную, обученную и хорошо вооруженную армию, численность которой составляла 1,6 миллиона человек. С учетом резервов – до двух миллионов. Превосходство немцы имели только в самолетах. Объемы полученных впоследствии в виде оружия трофеев Гитлер назвал астрономическими, ведь, ликвидировав Чехословакию, он получил ресурсы, достаточные для обеспечения всем необходимым сорока дивизий. Только пулеметов было взято почти 44 тысячи стволов. Танки чешского производства были на острие танковых клиньев во время вторжения во Францию, Бельгию, Голландию, СССР.

В-четвертых, на границе с рейхом Чехословакия имела полосу мощных железобетонных укреплений. Послевоенный президент уже социалистической Чехословакии генерал армии Людвик Свобода напоминал, что «пограничные укрепления были совершеннее хваленной немецкой линии Зигфрида или знаменитой французской линии Мажино. После захвата пограничных районов нацистские саперы пытались взорвать наши укрепления, но безуспешно». Гитлеровский фельдмаршал Кейтель, который к тому времени возглавил верховное командование вермахтом, потом признавал, что на преодоление этой оборонительной полосы немцы могли потратить полгода, и неизвестно, преодолели бы или нет.

Тем не менее, в тот последний день сентября 1938 года Эдуард Бенеш принял решение о капитуляции. Он твердил, что у него есть некий тайный план, но в Чехии и теперь нередко шутят, что тем планом был аэроплан, на котором через несколько дней президент погибающей страны улетел в Лондон.

В наше время расхожей является поговорка, гласящая, что история не имеет сослагательного наклонения. Безусловно, случившееся уже нельзя изменить, но это вовсе не означает, что не надо даже пытаться размышлять о возможном развитии событий, если бы всё пошло по иному сценарию. Поэтому представим себе, что Чехословакия потребовала от Франции выполнения обязательств по подписанному еще в 1924 году договору о союзе и дружбе. И обратилась в Лигу наций. И стала драться, намертво вцепившись в свои оборонительные линии. И вермахт в самом деле, чего опасался даже фельдмаршал Кейтель, застрял в судетских укреплениях. А ведь чехословацкая армия была настроена на драку. Были даже случаи открытия огня вопреки приказу сдаваться. Да на помощь

Чехословакии в соответствии с договором от 1935 года через Польшу двинулась бы советская Красная армия, дивизии первой очереди которой пребывали уже в боевой готовности, более того, было призвано более 300 тысяч резервистов.

А с севера атаковала бы Чехословакию и Польша своей специально сформированной 100-тысячной группировкой под командованием генерала Бортновского, претендуя на Тешинскую Силезию, переданную Чехословакии международным арбитражем. Однако после польского удара Советский Союз, не имевший прямого выхода на территорию Чехословакии, получал право аналогично отнестись к польским границам и направить свои соединения в сторону Праги. И тогда... Ведь не секрет, что в те недели судьба фюрера в самой Германии висела на волоске, против него собирались выступить высшие немецкие военные во главе с начальником генерального штаба сухопутных войск Францем Гальдером.

Однако готовности стать стеной у тех, кто получил ультиматум, не оказалось. В такой ситуации не смог действовать и Советский Союз, ибо как помогать тому, кто сам поднимает руки вверх. На фоне очередного успеха Гитлера отказались от планов переворота и генералы рейха. А Гитлер, увидев потом чешские укрепления в Судетах, сделал весьма важный вывод: если нет силы духа, то оружие бесполезно. Другими словами, к войне ведет не только наглость, но и трусость. Впрочем, тогда в Европе многие думали, что лучше быть живым кроликом, чем мертвым львом...

Но все-таки, неужели в той Чехословакии никто не мог сказать, что «к мечам рванулись наши руки»? Были такие люди, хотя их было не много.

На совещании у президента Бенеша против капитуляции выступило три человека: дипломат Яромир Смутный, начальник канцелярии президента Прокоп Дртина и командующий Пражским военным округом генерал армии Сергей Войцеховский.

Иногда его называют даже министром обороны. Возможно, путаница происходит потому, что после оккупации чешских земель гитлеровцами он некоторое время входил в подпольное правительство и занимал в нем пост военного министра. Правда, некоторые источники утверждают, что на необходимости сопротивляться настаивал и генерал Лев Прхала – друг Войцеховского. При этом одни говорят, что он делал это со слезами на глазах, другие – что угрожал Бенешу пистолетом, с чем трудно согласиться, так как вряд ли в какой-либо стране разрешается приходиться с оружием к главе государства. Однако Сергей Войцеховский, вне всякого сомнения, был на тот момент самым авторитетным, самым опытным и даже самым закаленным в боях чехословацким генералом. Правда, он не был ни чехом, ни словаком.

Сергей Николаевич Войцеховский, призывавший к сопротивлению оккупанту, родился в Витебске 16 апреля 1887 года в семье военного. Его отец – Николай Карлович – тоже был боевым офицером, отличившимся в Русско-турецкой войне, правда, генеральское звание он получил при выходе в отставку.

Генералом был и его дядя. И то, что Сергей Войцеховский после окончания самой авторитетной в Витебске Александровской гимназии тоже станет военным человеком, было, скорее всего, семейным решением. Он отправился в Санкт-Петербург в Константиновское артиллерийское училище. В советское время на

его базе функционировало Ленинградское высшее артиллерийское командное училище, а теперь это Санкт-Петербургский кадетский ракетно-артиллерийский корпус.

Получив на выходе звание подпоручика, он служил на батареях, в артдивизионах в Кавказском корпусе, затем в Белостоке, после чего решил поступать в императорскую Николаевскую военную академию. Энциклопедии утверждают, что она занимала центральное место в системе военного образования России, а обучение офицера в ней «в русской армии приравнивалось к особому отличию и считалось почётным». Ее выпускники составляли Корпус офицеров Генерального штаба.

Валентин Пикуль в своем историческом романе «Честь имею» писал, что «учебой в Академии не гнушались даже великие князья, отпрыски самых знатных фамилий». Но поступить туда было трудно. На экзаменах, случалось, проваливались даже офицеры с университетскими значками. А о том, каково было учиться в стенах этого военного заведения, говорил один из героев упомянутого романа В. Пикуля: «Мы были представлены своим силам, никто нас не “тянул”, каждый отвечал за себя, и любая оплошность в учебе или дисциплине без промедления каралась изгнанием... Офицер, делающий карьеру за счет обретения знаний, должен высоко нести эти знания. Если он заглянул в шпаргалку, значит, он бесчестен, а без чести нет офицера! И нужен крепкий лоб, чтобы пробить несокрушимую стену наук, за которой твоему взору открывается великолепный стратегический простор для продвижения... Офицер Генштаба обязан знать все или почти все об окружающем его мире. Он должен уметь вести войска даже без карты, держа карту в голове; сидя здесь в петербургской квартире, я могу представить, какое болото встретится за лесом, ограждающим прусский город Алленштейн, и каковы источники в этом городе для водопоя и артиллерии».

В войсках к выпускникам Академии относились с заметной завистью, называя их «моментами», поскольку они зачастую делали моментальную карьеру, но признавали наиболее подготовленной частью русского офицерства. В годы Первой мировой войны они командовали почти всеми фронтами и армиями, абсолютным большинством корпусов и дивизий. После Октябрьской революции пути их разошлись. Почти половина генштабистов активно участвовала в создании Красной армии, к чему их серьезно подтолкнула иностранная интервенция против уже советской России. Символами того расхождения являются полковник Б.М. Шапошников, ставший Маршалом Советского Союза, и генерал А.И. Деникин, возглавлявший белое движение на юге России. Впрочем, генерал Войцеховский тоже, хотя его пути-дороги в то время были, пожалуй, более извилистыми и более сложными.

Сергей Войцеховский закончил обучение в академии в звании штабс-капитана. Причем с отличием и орденом Святого Станислава 3-й степени, пожалованным именно за успехи в учебе.

На Русско-японскую войну не успел, зато в Первой мировой за первые ее два года награждался шестикратно: орденами Святой Анны 4-й, 3-й и 2-й степеней, орденом Святого Владимира 4-й и 3-й степеней, орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами. В 1916 году он уже был подполковником и исполнял обязанности начальника штаба дивизии.

А летом 1917 года судьба связала его с чехословаками. Он был назначен начальником штаба 1-й чехословацкой дивизии в составе русской армии, затем

командиром 3-го чехословацкого имени Яна Жижки стрелкового полка. Октябрьскую революцию не принял, ушел вместе с чехословацким корпусом, который через Сибирь и Владивосток должен был перебазироваться на западный фронт. Однако волею судеб чехословакам пришлось ввязаться в российскую смуту, а вместе с ними и Войцеховскому. Это он командовал чехословацкими легионерами во время взятия ими Челябинска в мае 1918 года, это он штурмовал Екатеринбург, Нижний Тагил, Кунгур, Тюмень, Омск, отбил у красных Уфу, Бугульму, Чистополь. Генералом его сделал тоже Чехословацкий национальный комитет, лишь потом это звание подтвердил А.В. Колчак, считавшийся Верховным правителем России.

Перейдя в подчинение к адмиралу Колчаку, Сергей Николаевич командовал армией, а после смерти генерала В.О. Каппеля – Восточным фронтом, командование которым своим приказом передал ему сам умиравший от воспаления легких Каппель.

Войцеховскому пришлось противостоять частям и соединениям В.И. Чапаева и М.Н. Тухачевского, да так, что Верховный правитель адмирал Колчак наградил его орденом Святого Георгия 4-й степени, для получения которого нужно было проявить не только полководческие таланты, но и личное мужество.

В начале 1920 года войска Войцеховского атаковали Иркутск, требуя передачи золотого запаса Российской империи и адмирала Колчака, которого чехи сдали эсеровскому Политцентру, а те – большевикам. Только узнав о расстреле адмирала, он, обойдя Иркутск, ушел в Забайкалье на соединение с частями атамана Семенова. Разве он мог тогда подумать, что судьба-злодейка снова занесет его в окрестности Иркутска, но уже совсем в ином качестве.

С атаманом Семеновым отношения не сложились, хотя тот и назначил генерала командующим войсками Российской Восточной окраины. Войцеховский перебрался в Крым к генералу Врангелю, где числился в резерве. С ним он был эвакуирован в Константинополь, откуда уехал в Чехословакию, где уже находилась его семья. Похоже, предвидя крах белого движения, он заранее отправил жену, сына и сестру в Прагу. Затем и сам предложил свои услуги чехословацкому президенту, попросив подтверждения его генеральского звания.

Учитывая, что авторитет Сергея Николаевича в среде чешских военных, прошедших сибирскую эпопею, был высок, согласие было получено, но с условием, что он примет чехословацкое гражданство. Войцеховский стал вначале командиром пехотной бригады, затем дивизии и вскоре сделал ее лучшей в вооруженных силах, а в 1935 году был назначен командующим Пражским военным округом.

Под его руководством оказалось больше половины чехословацких войск, на его плечах еще в 1929 году появились погоны генерала армии. Чешский историк Иржи Фидлер писал, что генерал «работал для своей новой родины на границе физических возможностей».

В центре его особого внимания было и укрепление границы с Германией, так как, имея огромный военный опыт, он понимал, к чему ведет развитие событий в Европе. Это под его руководством строились бетонные укрепления, которые потом оказались не по зубам немецким взрывотехникам.

На том злополучном совещании генерал Войцеховский оперировал, конечно же, цифрами, фактами, доказывая необходимость сопротивления, тем более что уже была создана специальная армейская группировка для отражения немецкой атаки, и он ею командовал. Было уже известно и о том, что Чехословакия окажет помощь Советский Союз. Однако Бенеш даже без консультаций с парламентом решил капитулировать. Войцеховский, тем не менее, подтвердил войскам свой приказ быть готовыми к отражению нападения, даже отказался подчиниться начальнику генштаба и главной ставки, который предписывал не ввязываться в бой. Более того, он предложил коллегам-генералам совершить военный переворот и свергнуть капитулянтов, но встретил резкое противодействие начальника генштаба Л. Крейчи, с которым был в натянутых отношениях еще с сибирского похода. Его даже объявили «мятежником».

По-видимому, в этом обвинении содержался намек на прошлое генерала. А характер у него был острый. Еще в Сибири с командованием чехословацкого корпуса у него случались частые стычки. В ноябре 1919 года в селе Усть-Тарка, будучи командующим армией колчаковских войск, он собственноручно застрелил командира Северной группы войск генерал-майора П.П. Гривина (Петериса Гривиньша), который без приказа отвел свою группу с боевых позиций.

Уйдя в отставку и на пенсию в 55 лет, Войцеховский некоторое время пытался заниматься созданием организации «Защита народа», но, убедившись в дилетантизме сподвижников, удалился в частную жизнь. В начале 1945 года его посетила высокопоставленная делегация немцев.

Генералу предложили возглавить Русскую освободительную армию вместо Власова, в котором и сами немцы, и русские эмигранты видели, прежде всего, предателя. На хорошем немецком языке Сергей Николаевич ответил, что Совдепию не признает, коммунистический строй ненавидит, но воевать с детьми тех, кто совершил в России переворот, не будет.

Однако и от своих бывших врагов и их детей, приближающихся к Праге, он ничего хорошего не ждал, потому отправил семью подальше от театра военных действий.

В мае 1945 года С.Н. Войцеховский был арестован СМЕРШем. Особое совещание приговорило его к десяти годам тюрьмы «за помощь мировой буржуазии». Срок отбывал в Озерлаге, около станции Тайшет в Иркутской области. Был уже слаб здоровьем, потому числился при лагерной больнице, в которой и работал, и лечился. В апреле 1951 года умер, как гласила запись, от «туберкулеза и старческого маразма». Возможно, вывод о «маразме» кто-то из лагерного начальства сделал после того, как бывшего белого генерала увидели на похоронах коммуниста Драбкина. Как пишет публицист Б. Дьяков, Войцеховский шел за гробом, «опирающийся на палку и занятый своими мыслями». Похоронили Войцеховского на кладбище той же больницы, однако могила не сохранилась...

Иногда называется и другая дата его кончины. Сергей Тилли в «Русском слове» утверждал, будто генерал скончался в декабре 1954 года от очередного желудочного кровотечения. Но это теперь уже не имеет особого значения.

Важно то, что лагерей Сергей Николаевич не пережил. А еще то, что Эдуард Бенеш, который после войны снова оказался в президентском кресле в Праге и имел хорошие отношения со

Сталиным, даже пальцем не пошевелил, чтобы облегчить судьбу генерала, столь много сделавшего для его страны.

Видимо, не забыл, что Войцеховский когда-то требовал лишить его этого кресла.

В октябре 1997 года президент Чехии Вацлав Гавел посмертно наградил Сергея Николаевича высшей наградой – орденом Белого Льва 1-й степени. В городе Брно на здании, где в 30-е годы XX века располагалась Моравско-земская военная комендатура, которую возглавлял генерал Войцеховский до назначения на Пражский военный округ, установлена посвященная ему мемориальная доска. Две его внучки и внук – тоже Сергей – живут в США, где закончил свои дни единственный сын, тоже офицер чехословацкой армии. Историк Игорь Шумейко пишет, что есть его родственники-потомки и в России. А в Витебске?..

Известная в этом городе журналистка Эльвира Мирсалимова нынешним летом написала, что «посольство Чешской Республики в Беларуси обратилось к чиновникам Витебского горисполкома с просьбой об оказании содействия в установке мемориальной доски выдающемуся полководцу, царскому офицеру и командующему чешской армией, уроженцу Витебска Сергею Войцеховскому. Витебский исполком ответил отказом...».

Мирсалимова объяснила отказ тем, что местные чиновники, «отвечающие за установку скульптур и мемориальных досок в городе, в очередной раз оказались между Сциллой и Харибдой». Мол, националисты обвинят их в потворстве «русскому миру», коммунисты осудят за «белогвардейщину», доморощенные историки и краеведы станут умствовать о «незначительности масштаба личности, ничего не сделавшей для города» и указывать на «неоднозначность исторической трактовки».

Похоже, чиновники не получили прямых указаний на этот счет, а действовать на свой страх и риск – себе дороже...

На фото: Сергей Николаевич Войцеховский в 1938 году.